

**ПРОСВЕЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭЛИТЫ ЭПОХИ
ЕКАТЕРИНЫ II: ОТ «КУЛЬТУРНОГО ШОКА» –
К МОДЕРНИЗАЦИОННЫМ ПРАКТИКАМ***

Людмила Артамонова

Самарский государственный институт культуры,
Самара, Россия

**THE ENLIGHTENMENT AND SOCIAL EMANCIPATION
UNDER CATHERINE II: FROM “CULTURAL SHOCK”
TO MODERNISATION PRACTICES**

Ludmila Artamonova

Samara State Institute of Culture,
Samara, Russia

Referring to an analysis of published and archival sources, this article demonstrates that starting with the reign of Catherine II, the positive solution of the peasant question began to be closely connected with the development of Enlightenment both among the population and the ruling class. The cultural shock the empress-to-be experienced upon her arrival in Russia (being struck by backwardness, the lack of freedom, and state disorder) played a decisive role in the situation. Not daring to take direct action to abolish serfdom, she began to prepare the cultural and moral ground to make it possible in the future. From the point of view of modernisation theory and intellectual history approaches, the school reform of the late eighteenth century most fully corresponded to the ideals of the Enlightenment and the modernisation prospects of the country of all the measures implemented during the reign of Catherine II. This reform paved the way for the establishment and development of a state educational system. The establishment of the Russian comprehensive school was an indispensable condition

* *Citation:* Artamonova, L. (2019). The Enlightenment and Social Emancipation under Catherine II: From “Cultural Shock” to Modernisation Practices. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 525–538. DOI 10.15826/qr.2019.2.391.

Цитирование: Artamonova L. The Enlightenment and Social Emancipation under Catherine II: From “Cultural Shock” to Modernisation Practices // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 525–538. DOI 10.15826/qr.2019.2.391 / Артамонова Л. Просвещение и социальная эмансипация в представлениях элиты эпохи Екатерины II: от «культурного шока» – к модернизационным практикам // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 525–538. DOI 10.15826/qr.2019.2.391.

for the modernisation of the country; it was also necessary to secure the results and continue the development of changes in public, intellectual, and cultural life. When developing and implementing the reform, the country relied on the experience of Austria, one of the “enlightened monarchies” of Europe: Emperor Joseph II himself took part in this matter. Catherine II’s school reform was supported and promoted by representatives of the international scholarly community working in Russia, including academicians F. U. Aepinus and Au. L. Schlözer. The school reform relied on the most progressive principles; for example, the coeducation of children of all classes and both sexes and free education. These principles significantly outpaced the readiness of Russian society to perceive them and could not be fully realised; historically speaking, however, the country took a step in the right direction. It played an important role in cultivating an “enlightened bureaucracy”, laying the groundwork for the future abolition of serfdom and the reformation of Russian society as a whole. Considering national peculiarities and problems together with other educational initiatives, Catherine II’s school reform was an example of a largely successful implementation of a modernisation project on the path towards cultural Westernisation.

Keywords: late 18th-century Russia; the peasant question; modernisation; Enlightenment era; enlightened absolutism; school reforms; public schools.

На основе анализа опубликованных и архивных источников показано, что положительное решение ключевого для России крестьянского вопроса, начиная с Екатерины II, стало тесно увязываться с развитием просвещения как среди массы населения, так и среди господствующего класса. Важнейшую роль в этом сыграл культурный шок по приезду в Россию будущей императрицы, которую поразили отсталость, несвобода, государственное неустройство. Не решившись на прямые действия по упразднению крепостного права, она стала готовить культурную и нравственную почву для возможности такого шага в будущем, используя иные практики. С точки зрения теории модернизации и подходов интеллектуальной истории, примененных в исследовании, школьная реформа конца XVIII в. наиболее полно соответствовала идеалам Просвещения и модернизационным перспективам страны среди всех осуществленных мероприятий царствования Екатерины II. Эта реформа положила начало созданию и развитию государственной системы образования. Создание в ее ходе российской общеобразовательной школы являлось совершенно необходимым условием модернизации страны, прочности и дальнейшего продолжения изменений в общественной, интеллектуальной и культурной жизни. При разработке и реализации реформы был использован опыт одной из «просвещенных монархий» Европы – австрийской, а император Иосиф II проявил в этом деле личное участие. Активными проводниками и пропагандистами екатерининской школьной реформы стали представители интернационального ученого сообщества, связанные с работой в России, в том числе академики Ф.-У. Эпинус и А.-Л. Шлёцер. В основу школьной реформы легли самые прогрессивные принципы, например, совместного обучения детей всех

сословий и обоего пола или бесплатности образования. Эти принципы заметно опережали готовность российского общества к их восприятию и не могли быть реализованы в полной мере, но в исторической перспективе был сделан верный шаг в необходимом направлении. Он сыграл важную роль в деле взращивания «просвещенной бюрократии», подготовки условий для будущего освобождения крестьян и реформирования российского общества в целом. Школьная реформа Екатерины II вкупе с другими образовательными инициативами оказалась примером в целом успешного осуществления модернизационного проекта на пути культурной вестернизации с учетом национальной специфики и проблематики.

Ключевые слова: Россия в конце XVIII в.; крестьянский вопрос; модернизация; эпоха Просвещения; просвещенный абсолютизм; школьные реформы; народные училища.

Историю русской общественно-политической мысли нельзя воспринимать только через призму трактатов мыслителей, призывов публицистов, проектов государственных деятелей, манифестов верховной власти. Сами по себе реальные действия политиков и события, происходившие в жизни страны, также насыщены глубоким идейным содержанием, о котором, правда, не всегда говорится прямо. Конечно, необходимо внимательно анализировать тексты и законодательных актов, и правительственных распоряжений, и протоколов важных совещаний, и воззваний, и газетно-журнальных статей. Однако надо также прислушиваться к мнениям осведомленных участников или современников исторических деяний и происшествий, зафиксированных в воспоминаниях, переписке, дневниках и других записях, которые «дошли до нас в виде, поддающемся обработке с помощью методик, принятых в настоящее время» [Смирнов, 2018, с. 362].

Княжна Ангальт-Цербстская, которой предстояло стать русской императрицей Екатериной Алексеевной, еще не являлась убежденной сторонницей французских просветителей, когда приехала из Германии. Первым шагом в формировании ее будущей идейной позиции оказался культурный шок середины 1740-х гг., когда по прибытии в Россию ее поразили отсталость страны и государственное неустройство, а вторым – душевный перелом середины 1750-х гг., вызванный личной драмой и семейными неурядицами. Ее главными друзьями и советчиками стали книги, а жизненными целями – самообразование, самовоспитание, самосознание, самостоятельность. Привязанность к новой родине, стремление дать ей более совершенное культурное и административное обустройство вместе с осознанием своего умственного и эмоционального превосходства над мужем и многими представителями местной элиты сложились в жажду власти, которая могла дать максимально полную внутреннюю и внешнюю свободу. Именно тогда, как считает К. Шарф, призывающий к созданию «современной интеллектуальной биографии» Екате-

рины II, она почувствовала духовную связь со своими заочными наставниками – Вольтером и другими энциклопедистами, ощутила себя частью «космополитической партии просветителей», а затем и была признана таковой своими идейными учителями [Шарф, с. 4, 8].

Просветительская самоидентификация требовала соответствовать образу «идеального монарха, каким позиционировала себя Екатерина II» [Redin, Soboleva, p. 878]. Это обязывало обращать внимание на положение рядовых подданных, в том числе зависимых людей. Исследователи взглядов и дел императрицы давно обсуждают вопрос о том, насколько искренне она разделяла идеи эмансипации человеческой личности, упразднения рабства, крепостной зависимости и иных проявлений несвободы. В советское время было распространено представление о том, что, желая «совместить “просвещение” и “рабство”», Екатерина «вынуждена была притворяться и лицемерить» перед современниками [Бушуев, с. 391]. Подобные взгляды сейчас не пользуется широким признанием, хотя некоторые авторы до сих пор обвиняют именно ее в низведении русских крестьян до статуса рабов и признании ею этого статуса [Нефедов, с. 200].

Диапазон мнений тех, кто отошел от столь однозначной трактовки политики Екатерины в крестьянском вопросе, также остается сам по себе очень широким. Например, писатель и литературовед О. Н. Михайлов в эпоху перестройки полагал: «Понимая всю бесчеловечную сущность крепостничества, Екатерина была убеждена, что Россия еще не готова к принятию иного общественного устройства» [Михайлов, с. 15]. Современный же историк А. Б. Каменский утверждает, что «Екатерина прекрасно сознавала проблему крепостничества и не раз задумывалась над путями ее решения», причем никогда «своих намерений довести дело до конца она не оставляла» [Каменский, с. 30].

Подобные споры имеют глубокую традицию. Еще современники императрицы размышляли над тем, каковы были ее истинные цели в крестьянском вопросе и что мешало принять для их достижения решительные меры. Ф. Н. Голицын в 1809 г. оглядывался назад:

Екатерина остановилась на той точке, которой перейти без большей опасности невозможно было: дать народу законную свободу, т. е. уничтожить собственность над крестьянами. О сем подумывали и в ее царствование, но исполнить не смели; да и трудно к сему приступить (цит. по: [Золотой век, с. 286]).

В первые годы царствования Екатерины II правительство шло на легализацию беглых в некоторых районах интенсивной народной колонизации [Smirnov, p. 949]. Велось обсуждение хозяйственной, правовой, этической сторон крестьянского вопроса. Это обсуждение инициировала сама императрица, объявив конкурс в Вольном экономическом обществе о крестьянской собственности, создав Уложен-

ную комиссию, разрешив открывать вольные типографии, участвуя в журнальной полемике.

Вскоре Екатерина поняла, что вступила на зыбкую почву, где можно лишиться всего. Она писала: «Едва посмеешь сказать, что они (крепостные. – Л. А.) такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями». Ее удивляло, как быстро даже «невежественные дворяне» начинали понимать, что предполагаемые нововведения «могут привести к некоторому изменению в настоящем положении земледельцев», сказавшись на взаимоотношениях помещиков и крепостных людей. Испугавшись за свои привилегии, даже самые милые, добрые и услужливые люди «с негодованием и страстью» возражали императрице, защищая, как она говорит, «дело рабства». Екатерина полагала, что среди российских дворян «не было и двадцати человек, которые бы по этому предмету (крепостному праву. – Л. А.) мыслили гуманно и как люди» [Екатерина II, с. 174–175].

Бесплодные разговоры на фоне бездействия в крестьянском вопросе сами по себе несли серьезную опасность. Так, несбывшиеся надежды низших сословий на улучшение своего положения в результате деятельности Уложенной комиссии стали одной из причин их массового выступления на стороне Е. И. Пугачева [Дубман, с. 160]. К этому выводу пришел еще М. М. Щербатов. В одной из рукописей сохранилась его собственноручная запись:

Дух неподданства и разврату в грубые и несмысленные души вкоренился, заражающийся от разных несправедливых слухов и от разглазований крестьянских, однодворческих, старых служб и других низких чинов депутатов, которые по разъезде своим семенами злые и в отдаленнейшие области России распростерли [Щербатов, л. 1 об.].

Кризисные явления в государстве и обществе нарастали постепенно. Опасные симптомы начали осознаваться еще в начале 1760-х гг. Однако десятилетие, которое оставалось до Пугачевского восстания, так и не было использовано для решения острых социальных, законодательных и административных проблем [Кабытов, с. 139].

В советской историографии принято было считать, что активность Екатерины в крестьянском вопросе не пережила драматических событий 1773–1775 гг. Например, В. В. Мавродин утверждал, и его мнение распространялось в официальных учебниках, что после подавления восстания Пугачева на смену политике «просвещенного абсолютизма» пришло «время открытой дворянской реакции» [История СССР, с. 395].

Вопреки данной еще не изжитой парадигме можно утверждать, что эта активность переместилась в другую плоскость. Осознав неготовность русского общества, особенно в его верхних слоях, к скорому и принципиальному решению крестьянского вопроса

экономическими и политическими мерами, Екатерина II перенесла аболиционистские чаяния в сферу образования и воспитания, то есть Просвещения в первоначальном и прямом смысле этого слова. Российский «просвещенный» абсолютизм никуда не исчез после пугачевщины. Именно в 1780-е гг. он начал школьную реформу – самую просветительскую, на наш взгляд, в своей истории [Артамонова, с. 105]. Она заслуживает разностороннего рассмотрения. Особенно хотелось бы остановиться на взглядах тех современников, которые увидели взаимосвязь реформы образования с идеей гражданских свобод, зародившейся и постепенно укреплявшейся в русской общественно-политической мысли.

Просвещение как необходимое условие освобождения и первый шаг к нему – частый мотив в сочинениях западноевропейских мыслителей, даже весьма радикально настроенных. В «Истории обеих Индий» аббата Рейналя, по мнению В. И. Морякова, выдвигавшего революционные идеи и оказавшего заметное влияние на А. Н. Радищева, из уроков восстания Пугачева делался вывод о необходимости в России предвзвешивать политическое освобождение духовным:

Едва эта знаменитая государыня взяла в руки бразды правления, как со всех сторон стало слышно, что она хотела бы царствовать над свободными людьми. В тот момент, когда стали обнаруживаться сии намерения, более ста тысяч крепостных подготовили мятеж против своих господ... Сие волнение, продолжение которого могло опрокинуть государство, заставило понять, что надобно было приручить медведей, прежде чем снять их оковы, а также что хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе [Моряков, с. 204].

По обоснованному суждению С. А. Мезина, это высказывание, как и другие, сделанные в данной книге о России, принадлежат Д. Дидро, который готовил труд своего единомышленника Рейналя к изданию [Мезин]. Склонны считать Дидро автором вставок о России в книге Рейналя и другие исследователи русско-французских контактов в сфере общественной и исторической мысли (см., например: [Ильиченко, с. 54]).

С Дидро, как и с другими западноевропейскими просветителями, Екатерина II вела переписку, в которой затрагивалась и готовящаяся школьная реформа. В мае 1780 г. она написала М. Гримму и другим корреспондентам о беседе с австрийским императором Иосифом II в Могилеве, после которой решила положить в основу этой реформы австрийские «нормальные» (образцовые) школы и учебники для них, в том числе написанные на славянском языке для сербских подданных империи. Такие школы представлялись ей замечательными учебными заведениями, которые надлежало бы только укомплектовать «нормальными» учителями (Normalschulmeister) [Письма императрицы Екатерины II, с. 181].

Гримм и барон Дальберг сразу стали называть Екатерину II на смешанном немецко-французском жаргоне божественной или бессмертной «нормальной школьной учительницей» (*divine, immortelle Normalschulmeisterin*) [Письма барона Мельхиора Гримма, с. 42, 68]. Академик Я. К. Грот отнес появление этого прозвища к 1784 г. ошибочно [Грот, с. 32–34].

Гримм выражал надежды единомышленников, что из распространения школ

...выйдет великое благо: народы станут образованнее, смышленнее, разумнее; только большие негодяи или презренные плуты боятся таких народов; те же, кто рожден повелевать, предпочитают повелевать людям, а не зверям [Письма барона Мельхиора Гримма, с. 68–69].

Екатерина поспешила решительно дистанцироваться от этих «плутов и негодяев». Как утверждала императрица, образованность народов ее саму несколько не пугала [Письма императрицы Екатерины II, с. 193].

В соответствии с идеалами «века Просвещения» среди государственных деятелей, привлеченных к реализации школьной реформы, было распространено убеждение, что право на образование принадлежит к числу естественных прав человека. Так, по мнению активного проводника образовательных реформ и видного государственного деятеля Осипа Петровича Козодавлева, возможность получить образование, включая университетское, должна быть предоставлена каждому, включая «несвободных», то есть крепостных людей: «Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода их приобретать, а не для того, чтобы сие право предоставлялось только людям свободным». В «просвещенный век», писал Козодавлев в 1787 г., «не может путь к просвещению возбранен быть и несвободным людям как членам российского народа» [Сухомлинов, с. 57, 70–71].

Насколько важное значение, выходящее за рамки школьных дел, придавала реформе императрица, свидетельствуют высказывания, зафиксированные в дневнике ее секретаря Александра Васильевича Храповицкого. Екатерина считала, что заведение и утверждение народных училищ приведет к тому, что «в 60 лет все расколы исчезнут», а «невежество истребится само собой», при этом «разнообразные в России обычаи приведутся в согласие и исправятся нравы» [Храповицкий, с. 2–3]. Возможно, здесь также подразумевалось, что политика государства в области просвещения, ведущая к уничтожению «расколов» и «невежества», противопоставлялась показной, по мнению императрицы, частной благотворительности в сфере образования и прочим инициативам масонов, за которыми она не хотела признавать подлинных просветительских и нравственно-воспитательных намерений. Именно в 1780-е гг. она развернула против них литературно-публицистическую полемику [Приказчикова, с. 715–716]. Еще

дальше в объяснении планов императрицы, на которое не решалась даже она сама в беседах с доверенным секретарем, пошел прокурор Военной коллегии И. Н. Болтин. Когда началась школьная реформа, он как раз писал свои «Примечания» на книгу Леклерка о России. В них провозглашалась не только теоретическая зависимость между идеями Просвещения и свободы, но и практическая связь между культурными и социальными преобразованиями:

Прежде должно учинить свободными души рабов, говорит Руссо, а потом уже тела. Мудрому сему правилу последовала великая Екатерина... Не на иной конец устроятся, по высочайшей ее воле, по всему государству училища для нижних чиновостояний, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара, дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее. Не могу сказать, какое из двух благодеяний есть вящее: то ли, чтоб дать вольность рабу, или то, чтоб... научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкуче на пользу ближнего и Отечества [Болтин, с. 236–237].

Книга Болтина была издана в России на русском языке и была обращена не к европейским просветителям, а к образованной российской публике. Думала ли так, как он писал, сама императрица, с полной уверенностью сказать нельзя. Однако, безусловно, Болтин выразил мнение тех современников, кто подобным образом воспринимали стратегическую цель школьной реформы и, видимо, имели на то основания. Во всяком случае, Екатерина не возражала, чтобы по крайней мере часть русского общества воспринимала появление народных училищ как первый шаг на пути отмены крепостного права. Следует учесть и ее распоряжение напечатать книгу Болтина за государственный счет.

Характерно то, что в одном 1786 г., наряду с «Уставом народным училищам в Российской империи», вышел указ императрицы об отмене употребления слова «раб» в прошениях на высочайшее имя [ПСЗ, № 16329, 16421]. Считаем возможным дополнить объяснения этому решению, которые предлагают современные исследователи [Марасинова, с. 81–92], предположением о его идейной связи со школьной реформой.

В преамбуле Устава народных училищ 1786 г. социально-политические аспекты реформы не были заявлены, уступив место общим гуманитарным ценностям:

Воспитание, просвещая разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же волю к деланию добра, руководствует к жизни добродетельной и напояет наконец человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны [ПСЗ, № 16421, с. 646].

Однако в законе безусловно утверждались принципы всеобщей светской бесплатной школы с совместным обучением детей обоих полов. Эти принципы были недостижимы в российских реалиях XVIII–XIX вв., но были реализованы в XX столетии, а значит, магистральный путь модернизации народного образования уже при Екатерине был намечен верно.

С энтузиазмом приняли создание народных школ представители ученого сообщества. В начале разработки школьной реформы главным экспертом по оценке и внедрению «австрийского проекта» стал академик Ф.-У. Эпинус, пользовавшийся полным доверием Екатерины как личный учитель, шифровальщик, советник по многим вопросам. Ее первый черновой набросок мероприятий школьной реформы заканчивается примечательной фразой: «А вот то же все, что с Эпинусом сложили» [РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 434. Л. 1–9].

Обнаруженный нами в архиве русский текст «плана Эпинуса» показывает, как готовилась реформа, формировались ее понятия и термины [Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1161. Л. 577–589 об.]. Так, в названии, которое было дано общеобразовательным учебным заведениям России – «народным училищам», не было никакого уничижающего «простонародного» смысла. Это была калька с немецкого «*Nationalschule*», то есть «национальная», «общенародная» школа. Второй подтекст этого названия в Австрии и Германии означал «немецкую народную» школу, где, в отличие от «латинской», преподавание велось на живом национальном языке. В России это подчеркивало создание светской «русской народной» школы вместо традиционной религиозной «церковнославянской».

Рукописный подлинник немецкого текста «плана Эпинуса» неизвестен. Принято считать, что он достаточно точно воспроизведен в журнале, издававшемся в университетском Геттингене А.-Л. Шлёцером. Для него «*Plan des wirklichen Stats-Rats Hrn. Aepinus*» был не археографическим раритетом, а злободневным и даже пропагандистским материалом. Во-первых, он означал торжество ученого сообщества в Петербурге и «самого образованного человека в Академии наук», как Шлёцер называл Эпинуса, над невежами, которые слишком долго были приближены к императрице и нанесли ущерб российскому образованию (подразумевались И. И. Бецкой и его приближенные). Во-вторых, план Эпинуса открывает дорогу «предприятию, которое интересуется все человечеством», поскольку

...теперь, кажется, находятся на пути, который обещает больше прогресса, чем все другие русские проекты, предпринятые в течение 20 лет... Вернулись времена Ярослава (Мудрого. – Л. А.), который сделал своих русских именно с помощью таких учреждений более образованными людьми, чем были в то время итальянцы, французы, немцы и британцы [Russische Schul Projecte].

Для конца XVIII в. отзыв Шлёцера выглядит чрезмерно восторженным. Зато он оказался провидческим для передового уровня образования в России – СССР XX в., дорога к которому действительно началась с того шага, который поспешил внести в анналы видный историк, выступивший в данном случае больше в качестве свидетеля-современника и апологета Екатерины II в университетской европейской среде.

Екатерина II оставила будущим историкам как марксистского, так и либерального направления загадку, неразрешимую в рамках парадигмы «самодержавие – гонитель просвещения» или классового подхода, поскольку невозможно объяснить интересами абсолютистского государства и дворянства появление всеобщих общеобразовательных народных училищ, трату казенных денег на обучение простонародья. В настоящее время без идеологических шор можно внимательнее прислушаться к представленным здесь мнениям самих современников школьной реформы. Логичным выводом из их анализа будет признание наличия в ней глубоких модернизационных замыслов, коррелирующих с начатой Екатериной II «сверху» политикой «эмансипации русского общества и создания правовых основ гражданского строя» [Алексеев, с. 66].

К такому выводу подводит и историческая перспектива. Российский абсолютизм, начиная с Екатерины II, по сути, не переставал оставаться «просвещенным» в прямом смысле этого слова, то есть понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это дело. К признанию этого обстоятельства склоняется все больше историков [Миронов, с. 734; Смирнов, 2017, с. 878].

Создание общеобразовательной школы в масштабах государства смогло не только закрепить результаты уже проведенных преобразований в общественно-экономической жизни, но и подготовить почву для будущих перемен. Прошло время, и в стране и обществе сложилась «новая система ценностей, в которой уже не было места крепостному праву» [Миронов, с. 80]. Среди основных причин, которые привели к этому, были «100 лет активной работы русских университетов и несколько десятилетий просветительских трудов общеобразовательных школ» [Smirnov, p. 952].

Реформы в области народного образования в России в XVIII – первой половине XIX в., начиная со школьной реформы Екатерины II, сыграли важную роль в подготовке отмены крепостного права благодаря распространению новых идей и воспитанию новых людей. Элита, включавшая теперь многочисленных представителей «просвещенной бюрократии», и рядовая масса русского общества, у которой вырос уровень самосознания, оказались готовы принять коренные преобразования 1860–1870-х гг., в отличие от поколения, жившего на столетие раньше.

Список литературы

Алексеев В. В., Побережников И. В. и др. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2016. 316 с.

Артамонова Л. М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Рос. ист. 2013. № 2. С. 101–113.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1161.

Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка : в 2 т. [СПб.] : Тип. Горнаго училища, 1788. Т. 2. 558 с.

Бушнев С. В. История государства Российского: ист.-библиогр. очерки : в 2 кн. М. : Кн. палата, 1994. Кн. 2. XVII–XVIII вв. 416 с.

Грот Я. К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам [к] Гримму : [Речь... в собр. Акад. наук 29 дек. 1878 г.]. СПб. : Тип. М. А. Хана, 1879. 40 с.

Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н., Артамонова Л. М., Савельев П. И. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : XVI – первая половина XIX века. М. : Наука, 2000. 287 с.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М. : Орбита, 1989. VIII + 748 с. Золотой век Екатерины Великой : воспоминания / изд. подг. В. М. Боковой, Н. И. Цимбаевым. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 328 с.

Ильиченко Э. В. Общественно-политические взгляды П.-Ш. Левека (проблема «цивилизации» России) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10. № 2. С. 53–58.

История СССР: С древнейших времен до 1861 г. / под ред. П. П. Елифанова, В. В. Мавродина. М. : Просвещение, 1983. 576 с.

Кабытов П. С., Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. и др. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.). Самара : Самар. отд. Литфонда, 2007. 327 с.

Каменский А. Б. Юбилей упущенных возможностей // Родина. 2010. № 2. С. 29–31.

Марасинова Е. Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопр. ист. 2007. № 12. С. 81–92.

Мезин С. А. Дидро, Рейналь и Радищев: из истории филиации идей // XVIII век. СПб. : Наука, 2013. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. С. 326–342.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.

Михайлов О. Н. Екатерина II – императрица, писатель, мемуарист // Сочинения Екатерины II. М. : Сов. Россия, 1990. С. 3–20.

Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 224 с.

Нефедов С. А. О рабовладельческой сущности русского крепостничества // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 93. 2011. № 3. С. 199–205.

Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II // СИРИО. 1881. Т. 33. С. 1–422.

Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // СИРИО. 1878. Т. 23. VIII + 732 с.

ПСЗ. Т. 22. 1784–1788.

Приказчикова Е. «Духовный рыцарь» И. Лопухин: диалог с властью и совестью // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 3. С. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 434.

Смирнов Ю. Н. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 3. С. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Смирнов Ю. Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 361–377.

Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1882. Вып. 6. II + 512 с.

Храмков Л. В., Кабытов П. С., Смирнов Ю. Н. и др. Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. : в 2 кн. Самара : Арт Макет, 1993. Кн 1. Самарский край с древнейших времен до середины XIX в. 219 с.

Храповицкий А. В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М. : Рус. архив, 1901. XXII + 404 с.

Шарф К. Ветер перемен из Штеттина и Галле: немецкие корни политического самосознания Екатерины II // Родина. 2010. № 2. С. 4–8.

[Щербатов М. М.] Размышления о неудобностях в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений : [рукопись] // СОУНБ. № 306105.

Redin D., Soboleva L. The Epoch of the Enlightenment : From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period // Quaestio Rossica. T. 5. 2017. № 2. С. 303–312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

Russische Schul Projecte // Сборник отделения русского языка и словесности Императ. акад. наук. Т. 16. № 2. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1886. С. 132–134.

Smirnov Yu. N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. Т. 41–1. № 3–1. С. 944–954.

References

Alekseev, V. V., Poberezhnikov, I. V., et al. (2016). *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [The Actors of Russian Imperial Modernisation (18th – Early 20th Centuries): A Regional Dimension]. Yekaterinburg, Bank kulturnoi informatsii. 316 p.

Arkhiv SPbIIRAN [Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 36. List 1. Dos. 1161.

Artamonova, L. M. (2013). *Politika v sfere narodnogo prosveshcheniya v Povolzh'e (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [State Policy in the Sphere of Public Education in the Volga Region between the 18th and First Half of the 19th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 101–113.

Bokova, V. M., Tsimbaev, N. I. (Eds.). (1996). *Zolotoi vek Yekateriny Velikoi: Vospominaniya* [The Golden Age of Catherine the Great: Recollections]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 328 p.

Boltin, I. N. (1788). *Primechaniya na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka v 2 t.* [Notes on the History of Ancient and Present-Day Russia by Mr. Leclerc. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Gornago uchilishcha. Vol. 2. 558 p.

Bushuev, S. V. (1994). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: istoriko-bibliograficheskie ocherki v 2 kn.* [History of the Russian State. Historical and Bibliographic Essays. 2 Books]. Moscow, Knizhnaya palata. Book 2. XVII–XVIII vv. 416 p.

Catherine II (1989). *Zapiski imperatritsy Ekateriny II* [Notes by Empress Catherine II]. Moscow, Orbita. VIII + 748 p.

Dubman, E. L., Smirnov, Yu. N., Artamonova, L. M., Savel'ev, P. I. (2000). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI – pervaya polovina XIX veka* [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to Our Days. 16th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Nauka. 287 p.

Epifanov, P. P., Mavrodin, V. V. (Eds.). (1983). *Istoriya SSSR. S drevneishikh vremen do 1861 g.* [The History of the USSR. From Ancient Times until 1861]. Moscow, Prosveshchenie. 576 p.

Grot, Ya. K. (1879). *Zaboty Ekateriny II o narodnom obrazovanii, po ee pis'mam [k] Grimmu: [Rech' ... v sobranii Akademii nauk 29 dekabrya 1878 g.]* [Catherine II's Preoccupation about Public Education, According to Her Letters to Grimm: (Speech ... in the Meeting of the Academy of Sciences on December 29. 1878)]. St Petersburg, Tipografiya M. A. Khana. 40 p.

Il'ichenko, E. V. (2010). Obshchestvenno-politicheskie vzglyady P. – Sh. Leveka (problem "tsivilizatsii" Rossii) [Social and Political Views of P. Ch. Levesque (the Problem of "Civilizing" Russia)]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 10. No. 2, pp. 53–58.

Kabytov, P. S., Artamonova, L. M., Smirnov, Yu. N., et al. (2007). *Povolzh'e – "vnutrennyaya okraina" Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI – nachalo XX vv.)* [The Volga Region is the "Inner Outskirts" of Russia: State and Society in the Development of New Territories (Late 16th – Early 20th Centuries)]. Samara, Samarskoe otделение Litfonda. 327 p.

Kamenskii, A. B. (2010). Yubilei upushchennykh vozmozhnostei [An Anniversary of Missed Opportunities]. In *Rodina*. No. 2, pp. 29–31.

Khramkov, L. V., Kabytov, P. S., Smirnov, Yu. N., et al. (1993). *Samarskaya letopis': ocherki istorii Samarskogo kraia s drevne'shikh vremen do nachala XX v. v 2 kn.* [The Samara Chronicle: Essays on the History of Samara Region from Ancient Times to the Early 20th Century. 2 Books]. Samara, Art Maket. Book 1. Samarskii kraj s drevneishikh vremen do serediny XIX v. 219 p.

Khrapovitskii, A. V. (1901). *Dnevnik s 18 yanvarya 1782 po 17 sentyabrya 1793 goda* [Diary from 18 January 1782 to 17 September 1793]. Moscow, Russkii arkhiv. XXII + 404 p.

Marasinova, E. N. (2007). O politicheskom soznanii russkogo obshchestva vo vtoroi polovine XVIII v. [About the Political Consciousness of Russian Society in the Second Half of the 18th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 81–92.

Mezin, S. A. (2013). Didro, Reinal' i Radishchev: iz istorii filiiatsii idei [Diderot, Raynal and Radishchev: From the History of the Filiation of Ideas]. In *XVIII vek*. St Petersburg, Nauka. Vol. 27. Puti razvitiya russkoi literatury XVIII veka, pp. 326–342.

Mikhailov, O. N. (1990). Ekaterina II – imperatritsa, pisatel', memuarist [Catherine II – Empress, Writer, Memoirist]. In *Sochineniya Ekateriny II*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 3–20.

Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern v 3 t.* [Russian Empire: From Tradition to Modernity. 3 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2. 912 p.

Moryakov, V. I. (1981). *Iz istorii evolyutsii obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov prosvetitelei kontsa XVIII veka (Reinal' i Radishchev)* [From the History of the Evolution of the Social and Political Views of the Enlighteners of the Late 18th Century (Raynal and Radishchev)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 224 p.

Nefedov, S. A. (2011). O rabovladel'cheskoi sushchnosti russkogo krepostnichestva [On the Slave-Owing Nature of Russian Serfdom]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 93. No. 3, pp. 199–205.

Pis'ma barona Melkhiora Grimma imperatritse Ekateriny II [Letters from Baron Melchior Grimm to Empress Catherine II]. (1881). In *SIRIO*. Vol. 33, pp. 1–422.

Pisma imperatritsy Ekateriny II baronu Melkhioru Grimm [Letters of Empress Catherine II to Baron Melchior Grimm]. (1878). In *SIRIO*. Vol. 23. VIII + 732 p.

Prikazchikova, E. (2018). "Dukhovnyi rytsar'" I. Lopukhin: dialog s vlast'yu i sovest'yu [Lopukhin, a "Spiritual Knight": A Dialogue with Power and Conscience]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 3, pp. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 22. 1784–1788.

Redin, D., Soboleva, L. (2017). The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 2, pp. 303–312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 10. List 1. Dos. 434.

Russische Schul Projecte. (1886). In *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 16. No. 2, pp. 132–134.

Scharf, K. (2010). Veter peremen iz Shtettina i Galle: nemetskie korni politicheskogo samosoznaniya Ekateriny II [The Wind of Change from Stettin and Halle: The German Roots of Catherine II's Political Identity]. In *Rodina*. No 2, pp. 4–8.

[Shcherbatov, M. M.]. (N. d.). Razmyshleniya o neudobnostyakh v Rossii dat' svobodu krest'yanam i sluzhitel'nyam ili zdelat' sobstvennost' imenii: [rukopis'] [Reflections on In-

conveniences in Russia Concerning Giving Freedom to Peasants and Servants or Creating Property of Estates. Manuscript]. In *SOUNB*. No. 306105.

Smirnov, Yu. N. (2016). The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History. In *Bylye Gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. Vol. 41–1. Iss. 3–1, pp. 944–954.

Smirnov, Yu. N. (2017). Rossiiskaya imperiya: ot kolonizatsii do revolyutsii [The Russian Empire: From Colonisation to Revolution]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 3, pp. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Smirnov, Yu. N. (2018). Retrospektivnyi analiz v zhanre ustnoi istorii besed s zhitelyami doreformennogo rossiiskogo goroda [Retrospective Analysis of Conversations with Residents of the Pre-Reform Russian City in the Genre of Oral History]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 63. No. 2, pp. 361–377.

Sukhomlinov, M. I. (1882). *Istoriya Rossiiskoi akademii* [History of the Russian Academy]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Iss. 6. II + 512 p.

The article was submitted on 17.10.2017